

МНѢНИЕ РУССКИХЪ
о въ
ИНОСТРАНЦАХЪ.

Мнѣніе Русскихъ объ иностранцахъ *).

Et tu quoque! И ты на меня нападаешь, и ты меня обвиняешь въ несправедливости къ Русскимъ и въ пристрастномъ судѣ надъ иностранцами. Ты говоришь, что время безусловного поклоненія всему Западному милювалось, что мы осуждаемъ строго, иногда даже слишкомъ строго, недостатки, ошибки и пороки нашихъ Европейскихъ братій, и что съ своей стороны они часто говорятъ о нашей Руси съ уважениемъ и доброжелательствомъ. Скажу тебѣ сперва нѣсколько словъ въ отвѣтъ на вторую твою критику: твои цитаты изъ иностранныхъ писателей не доказываютъ ровно ничего. Кому неизвѣстно, что иногда случается Французу, или Нѣмцу, или Англичанину, отозваться о Россіи съ какимъ-то милостивымъ снисхожденіемъ, нѣсколько похожимъ на доброжелательство; но что же изъ этого? Я могъ бы тебѣ даже назвать Нѣмецкаго путешественника Блазіуса, который съ рѣдкимъ умомъ и безпристрастіемъ такъ оцѣнилъ Россію, что большей части изъ насъ Русскихъ можно было бы было у него поучиться; но что же это доказываетъ? Дѣло не въ исключеніяхъ — они не имѣютъ никакой важности — будь они въ видѣ доброго слова, изрѣдка вымолвленнаго какимъ нибудь избраннымъ умомъ, будь они въ видѣ какой нибудь остервенѣлой клеветы или нелѣпости, вырвавшейся изъ низкой души или низкой страсти иностранца. Пусть Нѣмецкій прозовѣдникъ сказалъ, что въ дни освобожденія Европы отъ Наполеона доблестные Германцы шли впередъ, сокрушая полчища вражія, а что за ними вслѣдъ ползли (*krochen*) 200.000 Русскихъ, которые болѣе мѣшали, чѣмъ

*) Напечатано въ Московскомъ Сборникѣ 1846 года, изданіи В. А. Панова.

помогали подвигамъ сыновъ Германии; пусть Англійскій духовный журналъ (Church Q. R.) объявляетъ, что лучшій кавалерійскій полкъ въ Россіи убѣжитъ передъ любою сотнею Лондонскихъ сидѣльцевъ, въ первый разъ посаженныхъ на лошадь; пусть Французскій духовный журналъ (Univers Catholique) печатаетъ, что, по ученію церкви Греческой и Русской, стоить только сварить тѣло покойника въ винѣ, чтобы доставить ему царство небесное, — какое до этого дѣло? Не по мелочамъ и не по исключеніямъ должно судить. Мнѣніе Запада о Россіи выражается въ цѣлой физіономіи его литературы, а не въ отдельныхъ и никѣмъ незамѣчаемыхъ явленіяхъ. Оно выражается въ громадномъ успѣхѣ всѣхъ тѣхъ книгъ, которыхъ единственное содержаніе есть ругательство надъ Россіею, а единственное достоинство — явно высказанная ненависть къ ней; оно выражается въ тонѣ и въ отзывахъ всѣхъ Европейскихъ журналовъ, вѣрио отражающихъ общественное мнѣніе Запада. Вспомни обо всемъ этомъ и скажи по совѣсти — былъ-ли я правъ? Тебѣ не хотѣлось бы сознаться въ истинѣ моихъ словъ; тебѣ, какъ Русскому человѣку, жаждущему человѣческаго сочувствія, хотѣлось бы увѣриться въ сочувствіи Западныхъ народовъ къ намъ; тебѣ болѣно встрѣтить вражду тамъ, где ты желалъ бы встрѣтить чувство братской любви. Все это прекрасно, все это дѣлаетъ честь тебѣ. Но польсь миѣ, всякое самообольщеніе вредно. Истину должно признавать, какъ бы она ни была для насъ горька; падобно ей глядѣть въ глаза прямо, и въ этомъ зеркалѣ всегда прочтешь какой-нибудь полезный урокъ, какойнибудь справедливый укоръ за ошибку, вольную или невольную. Въ статьѣ моей «Мнѣніе иностранцевъ о Россіи» я отдалъ добросовѣстный отчетъ въ чувствахъ, которыя Западъ питаетъ къ намъ. Я сказалъ, что это смѣсь страха и ненависти, которые внушиены нашему вещественному силою, съ неуваженіемъ, которое внушено нашимъ собственнымъ неуваженіемъ къ себѣ. Это горькая, но полезная истина. *Nosce te ipsum* (зной самого себя): начало премудрости. Я не винилъ иностранцевъ, юхъ ложныя сужденія внушины имъ нами самими; но я не винилъ и насъ, — ибо наша ошибка была плодомъ нашего исторического развитія. Пора признаться, пора и одуматься.

Ты неправъ и въ другомъ своемъ обвиненіи. Правда, мы, повидимому, строже прежняго судимъ явленія Западнаго міра, мы даже часто судимъ слишкомъ строго. «Вотъ это, говоримъ мы, хорошо и достойно подражанія; но вотъ это дурно, недостойно народовъ просвѣщенныхъ и противно человѣческому чувству: этого мы избѣгаемъ». Въ своихъ одностороннихъ сужденіяхъ, утративъ понятіе объ жизненномъ единствѣ, мы часто произвольно отдѣляемъ жизненные явленія, которые въ дѣйствительности неразлучны другъ съ другомъ и связаны между собою узами неизбѣжной зависимости. Такимъ образомъ мы даемъ себѣ видъ строгихъ и беспристрастныхъ судей, свободныхъ отъ прежняго рабскаго поклоненія и отъ прежней безразборчивой подражательности. Но все это не иное что, какъ обманъ. Насъ уже нельзя называть поклонниками Франціи, или Англіи, или Германиі—мы не принадлежимъ никакой отдѣльной школѣ: мы эклектики въ своемъ поклоненіи; но точно такъ же рабски преклоняемъ колѣна предъ своими кумирами. Свобода мысли и сужденій невозможна безъ твердыхъ основъ, безъ данныхъ, сознанныхъ или созданныхъ самобытною дѣятельностью духа, безъ такихъ данныхъ, въ которыхъ онъ вѣрить съ твердою вѣрою разума, съ теплою вѣрою сердца. Гдѣ эти данные у насъ? Эклектизмъ не спасаетъ отъ суевѣрія, и едва ли даже суевѣріе эклектизма не самое упорное изо всѣхъ: оно соединяется съ какою-то самодовольною гордостью и утѣшаетъ себя мнимою дѣятельностью лѣниваго разсудка. Въ статьѣ моей, напечатанной въ 4-мъ № Москвитинина, я показалъ историческій ходъ новѣйшей науки и ея развитія въ Россіи; я показалъ иноземное начало этой науки, ея исключительность и необходимое послѣдствіе ея односторонняго развитія — глубокій и до сихъ порь неисцѣленный разрывъ въ умственной и духовной сущности Россіи, разрывъ между ея самобытною жизнью и ея прививнымъ просвѣщеніемъ. Отъ этого разрыва произошли въ жизни безсознательность и неподвижность, въ наукѣ безсиліе и безжизненность. Едва ли эти положенія можно чѣмъ нибудь оспорить.

Поверхностный взглядъ на наше просвѣщеніе и на то общество, въ которомъ оно заключено, очень обманчивъ.

Познанія, повидимому, такъ разнообразны и обширны, умственныя способности такъ развиты, ясность и быстрота понятій доведены до такой высокой степени, что изумишься по неволѣ. Чего бы, кажется, не ожидать отъ такого остроумія, отъ такого мысленного богатства? Какихъ великихъ открытій въ наукѣ, какихъ чудныхъ приложений въ жизни; какихъ быстрыхъ шаговъ впередъ для цѣлой массы народа и для всего человѣчества? А что же выходить на повѣрку? Всѣ эти познанія, вся эта умственная живость остаются безъ плода. Я не говорю уже, что они безплодны до сихъ порь для человѣчества, безплодны для народа, которому они совершенно чужды, но они остались безплодны для самой науки. Въ этомъ мы можемъ и должны сознаться съ смиреннымъ убѣженіемъ. Весь этотъ блескъ ума едва ли выдумалъ порядочную мышеловку. Таково послѣдствіе разрыва между просвѣщеніемъ и жизнью. При немъ умственное развитіе заключается въ самые тѣсные предѣлы. Разумъ безъ силы и полноты остается въ мертвенному усыплении, и всѣ способности человѣка исчезаютъ въ одностороннемъ развитіи поверхности разума, лишенного всякой творческой силы. Все-разлагающій анализъ въ наукѣ, но анализъ безъ глубины и важности, безнадежный скептицизмъ въ жизни, холодная и жалкая иронія, смѣющаяся надъ всѣмъ и надъ собою въ обществѣ, — таковы единственныя принадлежности той степени просвѣщенія, которой мы покуда достигли. Но умъ человѣческій не можетъ оставаться въ этомъ мертвенному безсилію. Лишенная самобытныхъ началъ, неспособная создать себѣ собственную творческую дѣятельность, оторванная отъ жизни народной, наша наука питается безпрестаннымъ приливомъ изъ тѣхъ областей, въ которыхъ она возникла и изъ которыхъ къ памъ перенесена. Она всегда учена заднимъ числомъ; а общество, которое служить ей сосудомъ, по неволѣ и безсознательно питаетъ работѣнное почтеніе къ тому миру, отъ котораго получаетъ свою умственную пищу. Какъ бы оно, повидимому, ни гордилось, какъ бы оно строго ни судило о разнообразныхъ явленіяхъ Запада, которыхъ часто не понимаетъ (какъ разсудокъ вообще никогда не понимаетъ жизненной полноты), оно болѣе чѣмъ когда

нибудь рабствуетъ безсознательно передъ своими Западными учителями, и къ несчастію еще рабствуетъ охотно, потому что для его гордости отраднѣе поклоняться жизни, которую оно захотѣло (хотя и неудачно) къ себѣ привить, чѣмъ смириться, хоть на время, передъ тою жизнію, съ которой оно захотѣло (и къ несчастію слишкомъ удачно) разорвать всѣ свои связи.

Признавъ иѣкоторое развитіе способностей аналитическихъ въ нашесть, такъ называемомъ, просвѣщенномъ обществѣ, новидимому, допустиль я и возможность неограниченаго научообразнаго развитія, ибо анализъ составляетъ всю сущность науки; но дѣйствительно такой выводъ былъ бы ложный. Въ успѣхахъ науки строгій и всеразлагающій анализъ постоянно сопровождается творческою силою синтеза, тѣмъ ясновидящимъ гаданіемъ, которое въ людяхъ, одаренныхъ геніемъ, далеко опережаетъ медленную повѣрку опыта и анализа, предчувствуя и предсказывая будущеѣ выводы и всю полноту и величіе еще несозданной науки. Это явленіе есть явленіе жизненное; оно замѣтно въ Кеплерахъ, въ Ньютонахъ, въ Лейбницахъ, въ Кювье и въ другихъ имъ подобныхъ подвижникахъ мысли; но оно невозможно тамъ, где жизнь изсякла или заглохла. Сверхъ того, самая способность аналитическая раздѣляется на многія степени, и высшія изъ нихъ доступны только тому человѣку или тому обществу, которые чувствуютъ въ себѣ богатство жизни, не боящейся анализа и его всеразлагающей силы. У нихъ, и только у нихъ, наука имѣть истинную и внутреннюю свободу, необходимую для ея развитія и процвѣтанія. У насъ анализъ возможенъ, но только въ своихъ низшихъ степеняхъ. При нашей ученической зависимости отъ Западнаго міра, мы только и можемъ позволить себѣ поверхностную повѣрку его частныхъ выводовъ и никогда не можемъ осмѣлиться подвергнуть строгому допросу общія начала или основы его системъ. Я уже показалъ это въ отношеніи къ философіи, къ политической экономіи и къ статистикѣ, показалъ подробнѣе въ отношеніи къ праву, и могъ бы показать еще съ болѣшею подробностію въ отношеніи къ наукамъ историческимъ, которыхъ, по общему мнѣнію, особенно процвѣтаютъ въ напѣ вѣкъ, но которыхъ дѣй-

ствительно находятся въ состояніи жалкаго безсилія и едва заслуживаютъ имя науки.

Грубый партикуляризмъ или изложеніе происшествій въ ихъ случайномъ сцѣпленіи, безъ всякой внутренней связи: такова общая система исторіи въ томъ видѣ, въ которомъ она до сихъ порь является на Западѣ. Большее или меньшее остроуміе писателя, болѣе или менѣе художественный разсказъ, большая или меньшая вѣрность съ подлинными документами, большая или меньшая тонкость или удача въ частныхъ догадкахъ—составляютъ единственное различіе между современными историческими произведеніями: система же остается все также, у Ранке, какъ у Галлама, у Гфререра такъ же какъ у Неандера, у Тьери и Шлоссера такъ же, какъ у Тьера въ его занимателій, но мелкой и близорукой исторіи великихъ происшествій недавно-минувшаго времени. Были на Западѣ попытки выйти изъ этого тѣснаго круга и возвысить исторію до степени истинной науки; иные попытки были въ смыслѣ религіозномъ, иные въ смыслѣ философскомъ; но всѣ эти попытки, несмотря на большее или меньшее достоинство писателей (напр., Боссюэта и Лео) остались безуспѣшными. Яснѣе другихъ понять жалкое состояніе историческихъ наукъ послѣдній изъ великихъ философовъ Германіи, человѣкъ, который сокрушилъ все зданіе Западной философіи, положивъ на него послѣдній камень,—Гегель. Онъ старался создать исторію, соотвѣтствующую требованіямъ человѣческаго разума и создалъ систематический призракъ, въ которомъ строгая логическая послѣдовательность или мнимая необходимость служить только маскою, за которую прячется неограниченный произволъ ученаго систематика. Онъ просто понять исторію наизворотъ, принявъ современность или результатъ вообще за существенное и необходимое, къ которому необходимо стремилось пропедпое; между тѣмъ какъ современное или результатъ могутъ быть поняты разумно только тогда, когда они являются какъ выводъ изъ данныхъ, предшествовавшихъ имъ въ порядкѣ времени. Его система историческая, основанная на какомъ-то мистическомъ понятіи о собирательномъ духѣ собирательного человѣчества, не могла быть принята: она была осыпана похвалами и отчасти заслуживала ихъ не

только по остроумію частныхъ выводовъ, но и по глубокимъ требованіямъ, высказаннымъ Гегелемъ въ этой части науки, какъ и во всѣхъ другихъ; но она осталась безъ плодовъ, по той простой причинѣ, что она дѣйствительно бесплодна и смышиа; она идетъ подъ рядъ къ его математическимъ системамъ (см. разсужденіе объ узловыхъ линіяхъ въ отдѣленіи логики, о количествѣ), по которымъ формула факта признается за его причину, и по которымъ земля кружится около солнца не вслѣдствіе борьбы противоположныхъ силъ, а вслѣдствіе формулы элипса (изъ чего слѣдуетъ заключить, что ядро и бомба летять не вслѣдствіе порохового взрыва, а вслѣдствіе формулы параболоида). Историческая система Гегеля такъ же не разумна, какъ и его математическая умозрѣнія; но она безконечно важна потому, что доказываетъ, какъ глубоко этотъ великий умъ понималъ ничтожность современной исторической науки *). Послѣ неудачи великаго мыслителя, прежній партикуляризмъ остался опять единственою системою.

Положеніе наше въ отношеніи къ исторіи было особенно выгодно. Воззрѣніе историка на прошедшую судьбу и жизнь человѣчества зависитъ по необходимости отъ самой жизни народа или общества народовъ, которому онъ принадлежитъ; по этому самому иѣкоторая односторонность въ понятіяхъ и сужденіяхъ историческихъ неизбѣжна, какъ слѣдствіе односторонности, принадлежащей всякому народу или всякому обществу народовъ. Сдѣланное однимъ пополняется и усовершенствуется другими народами, по мѣрѣ ихъ вступленія на поприще дѣятельности въ наукахъ и просвѣщеній. Это пополненіе трудовъ нашихъ Европейскихъ братій было нашимъ дѣломъ и нашею обязанностью. Къ тому же, самая исторія Запада, едва ли не важнейшая часть всемирной исторіи, невозможная для Западныхъ писателей (пбо въ ихъ крови, несознательно для нихъ

*) Впрочемъ въ математикѣ, какъ и въ исторіи, замѣтенъ у Гегеля тотъ коренной недостатокъ, который лежитъ въ самой основѣ его логики, именно болѣе или менѣе сознательное смышеніе того, что въ логическомъ порядкѣ есть слѣдствіе, съ тѣмъ, что ему предшествуетъ, какъ причина или исходный моментъ. Такъ напр., незамѣченное присутствіе идеи существа (*Daseyn*), момента очевидно выводного, обращаетъ въ ничто первоначальное бытіе (*Seyn*), и изъ этой ошибки развивается вся логика Гегеля.

самихъ, живутъ и кипятъ страсти, пороки, предразсудки и ошибки предшествовавшихъ имъ поколѣній), была возможна только для нась; но и въ этомъ дѣлѣ, не смотря на всѣ выгоды своего положенія, не смотря на явную потребность въ самой наукѣ,—сдѣлали ли мы хоть одинъ шагъ? Отъ нась нельзя ожидать, чтобы мы могли значительно обогатить науку специальными открытиями, увеличеніемъ и очищеніемъ материаловъ или усовершенствованіемъ прагматизма: число истинно ученыхъ людей и тружениковъ, посвящающихъ жизнь свою наукамъ, у нась такъ ограничено или, лучше сказать, такъ ничтожно, что весь итогъ ихъ частныхъ трудовъ не можетъ почти ничего прибавить къ трудамъ безчисленныхъ специалистовъ Запада. Но намъ возможны, и возможнѣе даже, чѣмъ Западнымъ писателямъ (по крайней мѣрѣ по части историческихъ наукъ) обобщеніе вопросовъ, выводы изъ частныхъ изслѣдований и живое пониманіе минувшихъ событий. Между тѣмъ, въ этомъ дѣлѣ, кажется, намъ похвальиться нечѣмъ. Подвинули ли мы или попытались ли подвинуть исторію изъ прежняго безсмыслия партикуляризма и постигнуть смыслъ ея великихъ явлений? Я не скажу, разрѣшили ли мы, но подняли ли хоть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которыми полна судьба человѣчества? Догадались ли мы, что до сихъ поръ исторія не представляетъ ничего, кроме хаоса происшествій, связанныхъ кое-какъ на живую нитку непонятною случайностью? Поняли ли мы или хоть намекнули, что такое народъ—единственный и постоянный дѣйствователь исторіи? Догадались ли мы, что каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человѣкъ, и что внутренняя его жизнь есть не что иное, какъ развитіе какого-нибудь нравственного или умственного начала, осуществляемаго обществомъ, такого начала, которое опредѣляетъ судьбу государствъ, возвышая и укрѣпляя ихъ присущую въ немъ истину, или убивая присущую въ немъ ложью? Стоитъ только взглянуть на всѣ наши исторические труды, не смотря на достоинство многихъ, чтобы убѣдиться въ противномъ. Самая важная явленія въ жизни человѣчества и великихъ народовъ, управлявшихъ его судьбами, остались незамѣченными. Такъ напр., критика историче-

ская не замѣтила, что, при переходѣ просвѣщенія съ Востока на Западъ, не все было чистымъ барышемъ, и что, несмотря на великия усовершенствованія въ художествѣ, въ наукахъ и въ народномъ бытѣ, многое утратилось или обмѣняло въ мысляхъ и познаніяхъ человѣческихъ, особенно при переходѣ изъ Эллады въ Римъ и отъ Рима къ романизированнымъ племенамъ Запада. Такъ не обратили еще вниманія на разноначальность просвѣщенія въ древней Элладѣ. Такъ, при всѣхъ глубокихъ и остроумныхъ изслѣдованіяхъ и догадкахъ Нибура, первая исторія Рима не получила еще никакаго живаго содержанія, и никто не замѣтилъ этого недостатка, можетъ быть за исключеніемъ профессора Крюкова, слишкомъ рано умершаго для друзей своихъ, для Московскаго Университета и для наукъ. Такъ въ исторіи позднѣйшаго Рима непонятно раздѣленіе ея на эпоху цесарей и императоровъ, раздѣленіе, повидимому, случайное, но глубоко-истинное, ибо оно основано на освобожденіи провинцій отъ столицы. Такъ раздѣленіе имперіи на двѣ половины, уже появляющееся въ Дуумвиратѣ (мнимомъ Тріумвиратѣ) послѣ первого Кесаря, потомъ яснѣе выразившееся послѣ Діоклетіана и при преемникахъ Константина и оставившее неизгладимыя черты въ духовной исторіи человѣчества отдѣленіемъ Востока отъ Запада, является постоянно дѣломъ грубой случайности, между тѣмъ какъ, очевидно, оно происходило отъ древнихъ началь (отъ различіи между просвѣщеніемъ Эллинскимъ и Римскимъ) и было неизбѣжнымъ и великимъ ихъ послѣдствіемъ. Такъ исторія Восточной Имперіи, затоптанная въ грязь гордынь презрѣніемъ Запада, не получила еще должнаго признанія въ землѣ, которой вся духовная жизнь ведетъ начало свое отъ Византійскихъ проповѣдниковъ. Такъ не умѣли или не осмѣлились мы сказать, что должны же были быть скрытыя сѣмена силы и величія въ томъ государствѣ, которое выдержало побѣдоносно первый напоръ всѣхъ народовъ (за исключеніемъ Франковъ и Бургундцевъ), уничтожившихъ такъ быстро существованіе Западно-Римской имперіи, которое потомъ отбилось отъ второго, не менѣе сильнаго нападенія Аваровъ, Болгаръ и всего разлива Славянскаго; которое, будучи затоплено и почти

покорено Славянскими дружинами, нашло въ себѣ и въ свое мъ духъ столько энергіи, что могло усвоить, принять въ свои нѣдра и аллинизировать своихъ побѣдителей; которое боролось не безъ славы и часто не безъ успѣха со всею громадною силою молодого Ислама, и билось въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, такъ сказать, противъ когтей и пасти чудовища, уничтожившаго однимъ ударомъ хвоста Герман ское царство Вестъ-Готеовъ и едва не скрутившаго всю силу Запада на поляхъ Шательскихъ; которое наконецъ пережило, въ продолженіе почти цѣлаго тысячелѣтія, своего Западнаго брата, не смотря на несравненно большія опасности, на длинныя, слабыя и беззащитныя границы и на внутреннее разногласіе между началами чистаго просвѣщенія и основами общественнаго устройства *). Такъ въ исторіи Западной Европы не замѣчены нравственные двигатели и физіономія народовъ, опредѣлявшіе его судьбу, именно: характеръ Франковъ, уже развращенныхъ до костей и мозга вліяніемъ Рима, еще прежде завоеванія Галліи дружинами Франковъ Поморскихъ (Меровингами), и Аріанство, котораго борьба съ соборнымъ исповѣданіемъ опредѣлила всю политическую и духовную исторію Запада. Такъ въ позднѣйшую эпоху незамѣчена прямая историческая связь между Протестанствомъ, его распространениемъ и областями, въ которыхъ оно утвердилось, съ тѣми насильственными путями, по которымъ Христианство распространялось въ народахъ Германскихъ и съ тѣмъ видомъ Римской односторонности, съ которымъ оно къ нимъ явилось первоначально. Не было бы конца исчисленію тѣхъ вопросовъ, которые призываютъ наше вниманіе и требуютъ отъ насъ разрѣшенія, — ибо все поле исторіи ждетъ переработки; а мы еще ничего не сдѣлали, подвигаясь работѣнно въ колеяхъ, уже прорѣзанныхъ Западомъ и не замѣчая его односторонности. Всѣ наши труды, изъ которыхъ конечно многіе заслуживаютъ уваженія, представляютъ только количественное или, такъ сказать, географическое прибавленіе къ трудамъ Западныхъ ученыхъ, не

*) Такъ непонятно переселеніе народовъ Германскихъ, которое было не что иное, какъ слѣдствіе освобожденія Восточно-Европейскихъ, т. е. Славянскихъ, племенъ отъ насильственной Германской аристократіи.

прибавляя ничего ни къ стройности исторіи, ни къ внутреннему ея содержанію. Одинъ Карамзинъ, по безконечному значенію своему для жизни Русской и по величію памятника, имъ воздвигнутаго, можетъ казаться исключеніемъ. Я говорю не объ огромномъ сборѣ матеріаловъ, имъ разобраныхъ, и не о добросовѣстномъ ихъ сличеніи (это дѣло прекрасное, но дѣло терпѣнія, которому доставлены были всѣ вспомогательныя средства), я говорю о томъ духѣ жизни, который вѣтъ надъ всѣми его сказаніями—въ немъ видна Россія. Но она видна не въ разсказѣ событий, въ которомъ преобладаетъ характеръ безсвязнаго партикуляризма, всегда обращающаго вниманіе только на личности, и не въ сужденіяхъ часто одностороннихъ,—всегда проникнутыхъ ложною системою,—а видна въ немъ самомъ, въ живомъ и краснорѣчивомъ рассказчикѣ, въ которомъ такъ постоянно и такъ иламенно бьется Русское сердце, кипитъ Русская кровь и чувство Русской духовной силы, и силы вещественной, которое въ народахъ есть слѣдствіе духовной. За исключеніемъ его великаго матеріального труда, Карамзинъ еще болѣе принадлежитъ искусству, чѣмъ наукѣ, и это не унижаетъ его достоинства: нелѣпо бы требовать всего отъ одного дѣятеля. Изъ современныхъ ученыхъ некоторые поняли подвигъ, къ которому Русское просвѣщеніе призвано въ исторіи; они готовятъ будущіе труды своихъ преемниковъ, освобождая мало по малу науку изъ тѣсныхъ предѣловъ, въ которые она до сихъ поръ заключена невольною односторонностью народовъ, предшествовавшихъ намъ въ знаніи, и добровольною односторонностью нашей подражательности; но этихъ поборниковъ внутренней свободы въ наукѣ немного, и имъ предстоитъ нелегкая борьба.

Тяжело налегло на насть просвѣщеніе или, лучше сказать, знаніе (ибо просвѣщеніе имѣть высшее значеніе), которое приняли мы извѣдь. Много подавлено подъ нимъ (разумѣется, подавлено на время) сѣмянъ истиннаго просвѣщенія, добра и жизни. Это выражается всего яснѣе скучностью и безхарактерностью искусства въ такомъ народѣ, который далъ столько прекрасныхъ задатковъ искусству еще въ тѣ эпохи, когда бурная жизнь общества, вѣчно потрясаемаго иноземною гро-

зою, не позволяла полнаго и самобытнаго развитія. Безспорно, нашъ вѣкъ не есть вѣкъ художества. Художникъ (я говорю о художникѣ слова таъ же, какъ о художникѣ формы и звука) занимаетъ весьма низкую ступень въ современномъ движениі общественной мысли. Истинная въ своемъ началѣ, ложная въ своемъ приложеніи, односторонне высказанная и дурно понятая система Германскихъ критиковъ о свободѣ искусства приносить довольно жалкіе плоды. Рабство передъ авторитетами и передъ условными формами красоты замѣнилось другимъ рабствомъ. Художникъ обратился въ актера художествъ. Ниццій-лицедѣй, онъ стоитъ передъ публикой-милліономъ и требуетъ отъ него задачи или старается угадать его современную прихоть. «Прикажи,—я буду Индѣйцемъ или древнимъ Грекомъ, или Византійцемъ - Христіаниномъ! Прикажи,—я напишу тебѣ сонмы Ангеловъ, являющіеся въ облакахъ глазамъ созерцателя-пустынника, или Зевса и Геру на вершинахъ Иды, или землетрясеніе, или Баварію въ вѣнцахъ небывалыхъ торжествъ! Потребуй,—я спою славу твоего величія и скажу, что ты преславная земля, всемірный великанъ, у которого одинъ глазъ во лбу—Парижъ; или пропою пѣснь Христіанскаго смиренія, или сочиню романъ, чтобы воспользоваться внезапнымъ страхомъ, напавшимъ на тебя, какъ бы іезуиты не украли у тебя всѣхъ денегъ изъ кармана. Я на все готовъ!» И милліонъ-вдохновитель приказываетъ, и художникъ-актеръ ломается болѣе или менѣе удачно въ заданной ему роли, и милліонъ хлопаетъ въ ладоши, принимая это за художество. Нѣмецкіе критики были правы, проповѣдывая свободу искусства; но они не поняли вполнѣ, а ученики ихъ поняли еще меньшѣ, что свобода есть качество чисто отрицательное, не дающее само по себѣ никакого содержанія, и художники современные, давъ полную волю своей безразборчивой любви ко всѣмъ возможнымъ формамъ прекраснаго, доказали только то, что въ душѣ ихъ нѣть никакого внутренняго содержанія, которое стремилось бы выразиться въ самобытныхъ образахъ и могло бы ихъ создать. Я уже это и прежде говорилъ и, кажется, ты соглашался со мною. Но явленія Западнаго міра не должны бы были еще относиться къ намъ: народъ народу не примѣръ. Когда

на всемъ Западѣ (за исключеніемъ Англіи) замерло искусство, тогда оно возстало въ полномъ блескѣ въ Германіи. Если перекипѣвшая жизнь Западнаго міра оставила ему внутреннюю скудость скептическаго анализа и холодъ сердца, многое надѣявшагося, но обманутаго въ своихъ надеждахъ, какое бы казалось дѣло намъ до этого? Наша жизнь не перекипѣла, и наши духовныя силы еще бодры и свѣжи. Дѣйствительно, единственное высокое современное художественное явленіе (въ художествѣ слова) принадлежитъ намъ. Этю радостію подарила настъ Малороссія, менѣе Средней Россіи принявшая въ себя наплыv чужеземныхъ началь. Между тѣмъ какъ Западная (Бѣлая) Россія, сокрушенная ими, обес силѣла, по-видимому, надолго, какъ Малороссія мало ими потрясена въ своей внутренней жизни, — собственно Средней или Великой Руси предстоитъ борьба съ иноземнымъ просвѣщеніемъ и съ его рабскою подражательностью. Принявъ въ себя познанія во всей ихъ полнотѣ, она должна достигнуть и достигнуть самобытности въ мысли. Къ счастію, время не ушло, и не только борьба возможна, но и побѣда несомнѣнна. Впрочемъ, такія переходныя эпохи не совсѣмъ благопріятны для искусствъ.

Оцѣнка нашего просвѣщенія, мною теперь высказываемая, сдѣлана уже весьма многими и ясна для всѣхъ, хотя, можетъ быть, не всѣ отдали себѣ ясный отчетъ въ ней. Такое внутреннее сознаніе необходимо должно сопровождаться невольнымъ смиреніемъ; и смиреніе, въ такомъ случаѣ, есть дань истинѣ и лучшимъ побужденіямъ разума человѣческаго. Поэтому, какъ бы ни притворялись мы (т. е. наша наука и общество, которое ее въ себя воплотило), какую бы личину ни надѣвали, мы дѣйствительно ставимъ Западный міръ гораздо выше себя и признаемъ его несравненное превосходство. Во многихъ это сознаніе является откровенно и за-служиваетъ уваженія; ибо современники невиноваты въ наследственномъ отчужденіи своеемъ отъ жизни народной и отъ высокихъ началь, которыхъ она въ себѣ содержала и содержить; а благоговѣніе передъ высокимъ развитіемъ просвѣщенія, хотя неполнаго и болѣзnenного на Западѣ, и передъ жизнью, изъ которой оно возникло, свидѣтельствуетъ о высо-

кихъ стремленияхъ и требованіяхъ души. Въ другихъ тоже самое чувство прячется отъ поверхностнаго наблюденія подъ какимъ-то видомъ самодовольства и даже хвастливости народной; но это самодовольство и хвастливость унизительны. Въ нихъ видны признаки самодовольного обмана или внутреннаго огрубенія. Люди, оторванные отъ жизни народной и слѣдовательно отъ истиннаго просвѣщенія, лишенные всякаго прошедшаго, бѣдные наукой, не признающіе тѣхъ великихъ духовныхъ началъ, которыя скрываютъ въ себѣ жизнь Россіи и которыя время и исторія должны вызвать наружу, не имѣютъ разумныхъ правъ на самохвальство и гордость передъ тѣмъ міромъ, изъ котораго почерпали они свою умственную жизнь, хоть неполную, хоть и скучную.

Раболѣпные подражатели въ жизни, вѣчные школьніки въ мысли, они въ своей гордости, основанной на вещественномъ величиї Россіи, напоминаютъ только гордость школьніка - барченка передъ бѣднымъ учителемъ. Слова ихъ изобличаются во лжи всею ихъ жизнью. За то, это раболѣпство передъ иноzemными народами явно не только для Русскаго народа, но и для наблюдателей иностранныхъ. Они видятъ нашъ разрывъ съ прошедшею жизнью и говорять о немъ часто, Русскіе съ тяжкимъ упрекомъ, а иностранцы съ насмѣшиливыми состраданіемъ. Такъ, напр., ты самъ знаешь, что остроумный Французъ говорилъ: «Vous autres Russes, vous me paraissiez un singulier peuple. Enfants de noble race, vous - vous amusez à jouer le rôle d'enfants trouvés» *).

Это колкое замѣчаніе очень справедливо. Оно въ немногихъ словахъ выражаетъ фактъ, который безпрестанно является намъ въ разныхъ видахъ и влечетъ за собою неизчислимая послѣдствія. Часто видимъ людей Русскихъ и, разумѣется, принадлежащихъ къ высшему образованію, которые безъ всякой необходимости оставляютъ Россію и дѣлаются постоянными жителями чужихъ краевъ. Правда, такихъ выходцевъ осуждаютъ, и осуждаютъ даже очень строго. Мне кажется, они болѣе заслуживаютъ сожалѣнія, чѣмъ осужденія: отечества человѣкъ не бросить безъ необходимости и

*.) Странный вы народъ Русскіе. Вы потомки великаго историческаго рода, а разыгрываете добровольно роль безродныхъ найденышъ.

не измѣнить ему безъ сильной страсти; но никакая страсть не движетъ нашими равнодушными выходцами. Можно сказать, что они не бросаютъ отечества, или лучше, что у нихъ никогда отечества не было. Вѣдь отечество находится не въ географіи. Эта не та земля, на которой мы живемъ и родились и которая въ ландкартахъ обводится зеленою или желтой краскою. Отечество также не условная вещь. Это не та земля, къ которой я приписанъ, даже не та, которую я пользуюсь и которая мнѣ давала съ дѣтства такія-то или такія-то права и такія-то или такія-то привиллегіи. Это та страна и тотъ народъ, создавшій страну, съ которыми спростила вся моя жизнь, все мое духовное существованіе, вся цѣлостность моей человѣческой дѣятельности. Это тотъ народъ, съ которымъ я связанъ всѣми жилами сердца и отъ кого-либо оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло. Тотъ, кто бросаетъ отечество въ безуміи страсти, виновенъ передъ нравственнымъ судомъ, какъ всякий преступникъ, пожертвовавшій какою бы то ни было святынею всышки требованія эгоистического. Но разрывъ съ жизнью, разрывъ съ прошедшими и раздоръ съ современными лишаютъ насъ большей части отечества; и люди, въ которыхъ съ особенною силою выражается это отчужденіе, заслуживаютъ еще болѣе сожалѣнія, чѣмъ порицанія. Они жалки, какъ всякий человѣкъ, не имѣющій отечества, жалки какъ Жидъ или Цыганъ, или еще жалче, потому что Жидъ еще находитъ отечество въ исключительности своей религіи, а Цыганъ въ исключительности своего племени. Оши жертва ложнаго развитія.

За всѣмъ тѣмъ, не смотря на наше явное или худо скрытое смиреніе передъ Западомъ, не смотря на сознаваемую нами скудость нашего существованія, образованность наша имѣть и свою гордость, гордость рѣзкую, не пріязненную и вполнѣ убѣжденную въ своихъ разумныхъ правахъ. Эту гордость бережеть она для домашняго обихода, для сношеній съ жизнью, отъ которой оторвалась. Тутъ она является представительницею иного, высшаго міра; тутъ она смѣла и самоувѣренна, тутъ гордость ея получаетъ особый характеръ. Какъ гордость рода опирается на воспоминанія о томъ, что «пред-

ки наши Римъ спасли», такъ эта гордость опирается на всѣхъ, болѣе или менѣе справедливыхъ правахъ Запада.

«Правда, мы ничего не выдумали, не изобрѣли и не создали; за то, чего не изобрѣли и не создали наши учителя, наши, такъ сказать, братья по мысли на Западѣ?» Образованность наша забываетъ только одно, именно то, что это братство не существуетъ. Тамъ на Западѣ образованность—плодъ жизни, и она жива; у насъ она заносная, невыработанная и незаслуженная трудомъ мысли, и мертвa. Жизнь уже потому, что жива, имѣетъ право на уваженіе, а жизнь со-здала нашу Россію.

Впрочемъ это соперничество между историческою жизнью съ одной стороны и прививою образованностию съ другой было неизбѣжно. Такія два начала не могли существовать въ одной и той же землѣ и оставаться другъ къ другу равнодушными: каждое должно было стараться побороть или передѣлать стихію, ему противоположную. Въ этой неизбѣжной борьбѣ выгода была на сторонѣ образованности. Отъ жизни оторвались всѣ ея высшіе представители, весь кругъ, въ ко-торомъ замыкается и сосредоточивается все внутреннее дви-женіе общественнаго тѣла, въ которомъ выражается его са-мосознаніе. Разрозненная жизнь ослабла и сопротивлялась напору ложной образованности только громадою своей не-подвижной силы. Гордая образованность, сама по себѣ ни-чтоjная и безсильная, но вѣчно черпающая изъ живыхъ источниковъ Западной жизни и мысли, вела борьбу неутомимо и сознательно, губя, мало-по-малу, лучшія начала жизни и считая свои губительные успѣхи истиннымъ благодѣяніемъ, вѣря своей непогрѣшимости и пренебрегая жизнью, которой не знаетъ и знать не хочетъ. Между тѣмъ, общество продолжало во многихъ отношеніяхъ, повидимому, преуспѣвать и крѣпнуть. Но даже и эти явленія, чисто вѣштія, никакъ не исцѣляющія внутренняго духовнаго раздора и его разруши-тельной болѣзни, происходили отъ сокрытыхъ и уцѣлѣвшихъ внутреннихъ силъ жизни, не подвергнувшихся или не вполнѣ подвергнувшихся разрушительному дѣйствію чужеземнаго на-плыва. Ты самъ помнишь того старого барина, который, от-служивъ свою очередь, перѣхалъ къ намъ съ Сѣвера въ Мо-

скву. Онъ прожилъ лѣтъ двѣнадцать подъ Московскими колоколами и полюбилъ душою все то, чего прежде не понималъ. Помнишь ты и то, какъ пріѣхалъ къ нему сыночъ проситься за границу и какъ часто у нихъ происходили споры обо всемъ Русскомъ и не-Русскомъ въ Россіи. Разъ случилось, что сынъ сказалъ ему: «развѣ не нашему просвѣщенному времени принадлежитъ слава побѣдъ и самое имя великаго Суворова?» Старикъ обратился къ осьмидесятилѣтнему отставному майору, давно уже отпустившему сѣдую бороду, и спросилъ съ улыбкою: «что, Трофимъ Михайловичъ, похожи были Суворовъ и его набожные солдатики на моего Мишеля и его пріятелей?» Разговоръ кончился общимъ смѣхомъ и долгимъ, басистымъ хохотомъ сѣдого майора, которому эта мысль показалась нестерпимо-смѣшию. Молодой денди сконфузился. Точно такого же рода вопросъ и съ такимъ же отвѣтомъ могъ бы быть приложенъ и ко всему великому, совершенному нами, если бы мы только умѣли глядѣть въ глубь происшествій, а не останавливали бы своего наблюденія на самой ихъ верхушкѣ. Но эти простыя истины ясны для некнижнаго ума и недоступны для нашего просвѣщенія. Перепесенное какъ готовый плодъ, какъ вещь, какъ формула изъ чужой стороны, оно не понимаетъ ни жизни, изъ которой оно возникло, ни своей зависимости отъ нея; оно вообще ни съ какою жизнью и ни съ чѣмъ живымъ сочувствовать не можетъ. Ему доступны только одинъ результаты, въ которыхъ скрывается и исчезаетъ все предшествовавшее имъ жизненное движение. Такъ вообще весь Западъ представляется ему въ своемъ устройствѣ общественномъ и въ своемъ художественномъ или учепомъ развитіи, какъ сухая формула, которую можно перенести на какую угодно почву, исправивъ мелкія ошибки, разграфивъ по статьямъ и свѣривъ статью съ статьею, какъ простую конторскую книгу, между тѣмъ какъ самъ Западъ созданъ не наукой, а бурною и треволненною исторіею и въ глазахъ строгаго разсудка не можетъ выдержать ни малѣйшей аналитической повѣрии. Это, конечно, говорится мною не въ пощечину, а въ похвалу. Мелкое мѣрило разсудка ничтожно для проявленій цѣлости человѣческой, и только то право въ его глазахъ, что къ жизни

не годно. На Западѣ всякое учрежденіе, такъ же какъ и всякая система, содержитъ въ себѣ отвѣтъ на какой-нибудь жизненный вопросъ, заданный прежними вѣками. Борьба между племенами завоевательнымъ и завоеваннымъ, борьба между дикимъ и воинственнымъ барономъ, бичемъ сель и ихъ безсильныхъ жителей, и промышленнымъ городскимъ барономъ (т. е. феодальною городскою общиной), врагомъ тѣхъ же безсильныхъ жителей сельскихъ; борьба между христіанскимъ чувствомъ, отвергающимъ христіанское ученіе и мнимо-христіанскимъ ученіемъ, отвергающимъ христіанскую жизнь; борьба между свободою мысли человѣческой и насилиемъ схоластического преданія, — все это нестройное и отчасти безсмысленное прошедшее выпечаталось въ настоящемъ, разрѣшаясь или находя мнимое примиреніе въ условныхъ и временныхъ формахъ. Жизнь вездѣ предшествовала науки, и наука безсознательно отражаетъ то прошедшее, надъ которымъ часто смѣется. Такъ до нашего времени мнимая наука права, о которой я говорилъ въ своей статьѣ, не чувствуетъ, что она есть не что иное, какъ желаніе обратить въ самобытныя и твердыя начала факты, выведенные изъ борьбы тѣсной Римской государственности съ дикими понятіями Германца о неограниченныхъ правахъ личности. Такъ все соціалистическое и коммунистическое движение съ его гордыми притязаніями на логическую послѣдовательность есть не что иное, какъ жалкая попытка слабыхъ умовъ, желавшихъ найти разумныя формы для безсмысличного содержанія, завѣщанного прежними вѣками. Впрочемъ, эта попытка имѣеть свое относительное достоинство и свой относительный смыслъ въ той мѣстности, въ которой она явилась; нелѣпы только вырованіе въ нее и возведеніе ея до общихъ человѣческихъ началъ. Я сказалъ уже о безсмыслиности всего спора объ освобожденіи женщины, спора, который занимаетъ такое важное мѣсто въ новомъ соціализмѣ. Я сказалъ, что споръ, который идетъ, повидимому, о правахъ, шелъ дѣйствительно о взаимныхъ обязанностяхъ мужчины и женщины. Онъ, очевидно, не заслуживаетъ мѣста въ науки, но весьма важенъ въ отношеніи къ жизни народовъ; ибо въ немъ отражается

великій фактъ нравственной истории. Жоржъ-Зандъ переводить въ сознаніе и въ области науки только ту мысль, которая была проявлена въ жизни Ниноною (*Ninon d'Enclos*) и которой относительная справедливость къ обществу была доказана истиннымъ уваженіемъ общества къ этой дерзкологической женщинѣ. Точно также всѣ сужденія коммунистовъ объ уничтоженіи брака представляются, не смотря на свою дѣйствительную нелѣпость, совершенно законный выводъ изъ той общественной жизни, изъ которой возникли. Въ развитіи внутренней истории Запада обычай находился безпрестанно въ раздорѣ съ законами, повидимому, признаваемыми обществомъ; а бракъ, носящій лицемѣрно название освященное Христіанствомъ, былъ уже давно не что иное, какъ гражданское постановленіе, снабжающее дворянскіе роды болѣе или менѣе законными наследниками для родовыхъ имуществъ. Таковъ, говорю я, былъ приговоръ общества, давно уже признанный, хотя и скрываемый общественнымъ лицемѣріемъ. Когда безусловная законность наследственного права подверглась разбору и отрицанію (также вслѣдствіе жизненнаго, а не наукобразнаго процесса), неминуемо тому же отрицанію долженъ быть подвергнуться и бракъ. Наука воображала, что дѣйствуетъ свободно, между тѣмъ какъ принимала опредѣленіе, данное предшествовавшему жизнію, и смыкала понятія, совершенно противоположныя другъ другу.

Точно тоже можно бы было прослѣдить и во Французскихъ ученикахъ соціалистической школы и въ Нѣмецкихъ переродкахъ школы художественно-философской, когда они толкуютъ о возстановленіи правъ тѣла человѣческаго, аки бы подавленного притязаніями духа. При всемъ бессиліи ихъ разсужденій, при всей ихъ логической ничтожности, они представляютъ также фактъ весьма важный, именно стремленіе освятить приговоромъ науки приговоръ, давно уже сдѣланный жизнію. Въ самой идеѣ коммунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщанныхъ прежнею исторіею Западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнію, и отвѣтъ выходить односторонний и неудовлетворительный, потому что одно-

сторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому 13 вѣковъ назадъ Германскою дружиною, завоевавшею Римскій міръ. Мыслители Западные вертятся въ безысходномъ кругѣ, потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ идти никакъ дальше ассоціаціи (дружин). Таковъ окончательный результатъ, болѣе или менѣе высказанный ими, и можетъ быть всѣхъ яснѣ выраженный Англійскимъ писателемъ, который называетъ теперешнее общественное состояніе стадообразіемъ (*gregariousness*) и смотрить на дружину (*association*) какъ на золотую, лучину и ёдва достижимую цѣль человѣчества. Наконецъ, въ той наука, которая наименѣе (разумѣется кромѣ точныхъ наукъ) зависить отъ жизни, въ томъ народѣ, который наименѣе имѣть дѣло съ жизнью, — въ философіи и въ Нѣмцѣ-философѣ любопытно прослѣдить явленіе жизненной привычки. Гегель въ своей геніальной Феноменологіи дошелъ до крайняго предѣла, котораго могла только достигнуть философія по избранному ею пути: онъ достигъ до ея самоуничтоженія. Выводъ былъ простъ и ясенъ, заслуга безсмертна. И за всѣмъ тѣмъ его строгій логическій умъ не понялъ своего собственнаго вывода. Быть безъ философіи! отказаться отъ завѣта столькихъ вѣковъ! оставить свою, т. е. ново-Нѣмецкую жизнь безъ всякаго содержанія! Это было невозможностью. Гегель въ невольномъ самообманѣ создалъ колоссальный призракъ своей Логики, свидѣтельствуя о великости своего генія—великости своей ошибки.

Таковы отношенія жизни къ наукѣ, таковы они въ добрѣ и злѣ. Ни одна, завѣщающая библіотеку Вольтеру, представляеть эти отношенія въ довольно ясномъ символѣ; но это непонятно для общества, отрѣшившагося отъ жизни.

Достояніе такого общества есть тѣсная разсудочность, мертвая и мертвящая. Она — необходимое послѣдствіе сильныхъ и коренныхъ реформъ или революцій, особенно такихъ реформъ, которые совершены быстро и насильственно. Такова причина, почему на Западѣ она составляетъ въ наше время отличительную характеристику Франціи, утратившей болѣе другихъ народовъ жизненное историческое свое начало. Нѣть сомнѣнія, что какая-то мелкость и скучность ду-

ховной жизни" была издавна "приналежнотю" этой земли, не имѣвшей никогда ни истиннаго художества (кромѣ зодчества среднихъ вѣковъ), ни истинной поэзіи; но она очевидно еще болѣе обнищала, оторвавшись отъ прошедшаго въ кровавомъ переворотѣ, окончившемъ прошлое столѣтіе. Быть можетъ, со временемъ пробьется новая жизнь во Франціи изъ такихъ началь, которыхъ до сихъ поръ не являлись" на прище историческое и будуть вызваны новымъ ходомъ всего обще-человѣческаго просвѣщенія; но очевидно, что послѣ кроваваго переворота, положившаго конецъ прежней Французской монархіи, Франція еще не проявила въ себѣ тѣхъ жизненныхъ силъ, которыхъ могли бы создать въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ искусствахъ или въ наукахъ, новый и самобытный формы для духовной дѣятельности человѣческой. Революція была не что иное, какъ голое отрицаніе, дающее отрицательную свободу, но не вносящее никакого нового содержанія, и Франція нашего времени живетъ займами изъ богатствъ чужой мысли (Англійской или Нѣмецкой), искажая чужія системы ложнымъ пониманіемъ, обобщая частное въ своихъ поверхностныхъ и ложныхъ приложеніяхъ, размельчая и дробя все цѣльное и живое и подводя все великое подъ мелкій уровень разсудочнаго формализма. Примѣръ тому я уже показалъ въ искаженіи суда присяжныхъ, который Франція приняла не понять и перевела изъ области живыхъ и нравственныхъ учрежденій въ сухую и мертвую коллегіальность. Послѣдствія этой перемѣны известны всѣмъ, кому скольконибудь знакома юридическая исторія Англіи и Франціи; но причина и характеръ самой перемѣны не были до сихъ поръ, сколько мнѣ известно, замѣчены. Въ этомъ состояніи просвѣщенія и общества во Франції можно найти причину того особеннаго сочувствія, которое наше просвѣщеніе, не смотря на свой эклектизмъ, оказываетъ къ ней. Отсутствіе жизни составляетъ связь, соединяющую ихъ. За всѣмъ тѣмъ должно признать превосходство Французского просвѣщенія передъ нашимъ. Во-первыхъ, оно не совсѣмъ разорвало связь съ прошедшимъ; во-вторыхъ, оно имѣть гораздо болѣе характеръ явленія всенароднаго и слѣдовательно не

сопровождается внутреннимъ раздоромъ, убивающимъ всякую возможность плодотворной дѣятельности. Честь полной безжизненности остается за нами.

То внутреннее сознаніе, которое гораздо шире логического и которое составляетъ личность всякаго человѣка такъ же, какъ и всякаго народа, — утрачено нами. Но пѣсное логическое сознаніе о нашей народной жизни недоступно намъ по многимъ причинамъ: по нашему гордому презрѣнію къ этой жизни, по неспособности чисто-разсудочной образованности понимать живыя явленія и даже по отсутствію данныхъ, которыхъ могли бы быть подвергнуты аналитическому разложенію. Не говорю, чтобы этихъ данныхъ не было, но они всѣ таковы, что не могутъ быть поняты умомъ, воспитаннымъ иноземною мыслю и закованнымъ въ иноземныя системы, не имѣющія ничего общаго съ началами нашей древней духовной жизни и нашего древняго просвѣщенія.

Нетрудно бы найти множество примѣровъ этой непонятливости; но я тебѣ упомяну только объ одномъ, особенно разительномъ и важномъ. Въ недавнемъ времени хозяйственное зло черезполосности вызвало мѣры къ его уничтоженію. Мѣры эти состояли только въ назначеніи сроковъ и въ выборѣ посредниковъ. За тѣмъ, все остальное предоставлено разуму, а отчасти и неразумію, самихъ владѣльцевъ: ничего принудительного, ничего стѣсняющаго, ничего формальнаго. Всякій размѣръ позволенъ, всякое печатное толкованіе о дѣлѣ размежеванія допущено; сроки довольно длинные, посредники совершенно безъ власти; весь вопросъ и его разрешеніе отданы общему смыслу. Ты знаешь, точно такъ же какъ я, каковы были толки нашего просвѣщенаго общества и какая полная была увѣренность въ неудачѣ. «Сроки? ими никто не воспользуется. Размѣры? ихъ никто дѣлать не будетъ, всякий заупрямится. Увѣщанія? да, уломаешь оброчнаго крестьянина или мелкаго помѣщика! Посредникъ? какъ же! послушаются его, когда онъ не имѣть никакой власти! Посредникъ просто смѣшное лицо. Едва ли составится хоть одна полюбовная сказка: вѣдь для сказки нужно общее согласіе, а возможное - ли дѣло общее.

согласіе? Добро бы еще большинство! Безъ принуждениі — просто ничего не будетъ». Таковы были толки нашего просвѣщенія, а каковъ былъ результатъ, ты самъ знаешь. Смѣло можно сказать, что онъ вполнѣ оправдалъ избранный путь и что успѣхъ превзошелъ самыя смѣлые ожиданія даже тѣхъ людей, которые знаютъ разумъ Русской жизни и вѣрятъ въ него. Нѣть сомнѣнія, что успѣхъ былъ бы еще полнѣе, если бы не встрѣтилось чисто вещественное затрудненіе въ недостаточномъ числѣ землемѣровъ и въ недостаткѣ прежнихъ плановъ, которые или утрачены или зарыты въ грудахъ другихъ бумагъ. Но каковъ онъ есть, онъ уже представляетъ одно изъ важнѣйшихъ явлений въ нашемъ хозяйственномъ бытѣ и одно изъ важнѣйшихъ явлений нашего нравственного быта. Побѣждены были также затрудненія, которыхъ, казалось, и устраниить нельзя. Положены были сказки съ общаго согласія, и размежеваны дачи, въ которыхъ было около ста дачниковъ; переселены цѣлые деревни; придуманы самыя неожиданныя сдѣлки, и значительныя (хотя дѣйствительно временные) денежныя пожертвованія сдѣланы владѣльцами — помѣщиками, едва ли еще не чаще крестьянами. Но важнѣе денежныхъ пожертвованій было то, что во многихъ и многихъ случаѣахъ самолюбіе и привычки были принесены въ жертву общей пользѣ. Въ иныхъ мѣстахъ за основаніе раздѣла принято владѣніе, въ другихъ крѣпости, въ другихъ показанія стариковъ и память о старинѣ. Но вездѣ сохранена справедливость, не только та мертвая справедливость, которую оправдываетъ законникъ-формалистъ, но та живая правда, съ которой согласуется и которой покоряется человѣческая совѣсть. И замѣтъ, что успѣхи пошли гораздо быстрѣе съ назначеніемъ посредника, этого безвластнаго и, по прежнему мнѣнію, ничтожнаго лица. Я называю такое явленіе однимъ изъ самыхъ утѣшительныхъ и поучительныхъ въ нашемъ нравственномъ бытѣ. Просвѣщеніе наше, если бы хотѣло что-нибудь узнать, узнало бы по немъ много: оно могло бы понять сколько-нибудь Русскій духъ и его покорность передъ нравственными начальами. Назначеніе посредника и его успѣхъ есть только повтореніе многихъ исконныхъ фактovъ Русской юри-

дической жизни. Самое безвластіе посредника заключаетъ въ себѣ великую власть; оно оставляетъ при немъ одно только значение безстрастной справедливости и примиряющаго доброжелательства. Просвѣщенная критика должна бы узнатъ въ посредникахъ и успѣхъ ихъ дѣйствія—тѣ же самыя чувства и тѣ же начала, которыя въ старину создали судь третями, т. е. лицами, представляющими истца и отвѣтчика, но истца и отвѣтчика, отрѣшенныхъ отъ слѣпоты своеокрыстныхъ страстей,—и судъ поротниками или цѣловальниками или присяжными, перешедшій въ Англію и сохранившійся въ Англійскомъ судѣ присяжныхъ. Вездѣ проявляется также высоко-нравственная покорность передъ безстрастнымъ разумомъ, также прекрасная вѣра въ совѣсть и въ достоинство человѣческое. Трудно, и едва ли возможно найти, начало болѣе благородное и плодотворное. Въ немъ наука могла бы и должна узнатъ завѣтъ глубокой древности и общества, связанного еще узами истиннаго братства, а не условнаго договора; въ немъ же могла бы она узнатъ и различіе двухъ понятій о законности формальной и о законности духовной или истинной. Такія познанія необходимы не только для современной нашей жизни, но и для уразумѣнія нашей жизни прошедшой или великихъ фактовъ нашей исторіи. Имъ только могла бы уясниться вся бурная эпоха, раздѣляющая кончину послѣдняго изъ преемниковъ Рюрика и первого изъ царственаго рода Романовыхъ.

Недавно, въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, была напечатана критика на Пушкинскаго Годунова и на ложныя понятія объ исторіи Годунова, переданныя Карамзінимъ Пушкину. Можно согласиться со многими положеніями и догадками критика, оставляя въ сторонѣ его промахи по части художественной (напр. смѣшиное название мелодраматического героя, данное Пушкинскому Годунову, въ которомъ очевидно преобладаетъ эпическое начало); можно согласиться, что въ Годуновѣ не было собственно такъ называемой геніальности, и что если бы онъ былъ одаренъ большею силою духа и сумѣль увлечь Россію въ новые пути дѣятельности и жизни, не та бы была судьба его самого, и его несчастныхъ дѣтей. Это замѣченіе не безъ достоинства, но оно далеко не исчерпываетъ предмета. Нѣть народа, кото-

рый бы требовалъ постоянной геніальности въ своихъ правителяхъ; и въ сынѣ Феодора Никитича Романова, умирилѣ треволненной Россіи, незабвенному Михаилѣ Феодоровичѣ, возведенному на престолъ путемъ избранія, такъ же какъ Годуновъ, трудно найти признаки геніальности, въ которой отказываютъ царю Борису. Разница между отношеніями народа къ первому и ко второму избраннику (ибо Шуйскаго, какъ не-законно избраннаго, должно исключить) происходила есть чисто-нравственныхъ началь, понятныхъ только въ нашей исторіи и совершенно чуждыхъ Западному миру. Это была разница между законностью формальною и законностью истинною. Россія видѣла въ Годуновѣ человѣка, который втерся въ ея выборъ, отстранивъ всякую возможность другого выбора: тутъ была законность вѣнчания — призракъ законности. Въ Михаилѣ видѣла она человѣка, котораго избрала сама, съ полнымъ сознаніемъ и волею, и которому добродушно и разумно повѣрила судьбу свою, такъ же какъ тѣмъ самымъ избранiemъ повѣрила судьбу своего потомства — его роду: тутъ была законность внутренняя и истинная. Это чувство отражается безсознательно и въ Карамзинѣ, и въ отзывахъ его о Годуновѣ. Въ немъ безпрестанно невольно выражается какое-то негодованіе на плутню Годунова, если можно употребить такое выраженіе о такомъ великомъ историческомъ происшествіи. И выраженія этого негодованія были даже часто предметомъ критики, повидимому справедливой; но и тутъ, какъ и вездѣ, Карамзинъ-историкъ, художникъ, сохраняетъ свое достоинство. Въ немъ Россія выражается безсознательно: и онъ, какъ самый народъ, хотѣль бы, да не можетъ, любить Годунова; и онъ, какъ народъ, искалъ и не находилъ законности истинной въ формальномъ призракѣ законности. Это чувство принадлежитъ собственно Россіи, какъ общинѣ живой и органической; оно не принадлежитъ и не могло принадлежать условнымъ и случайнымъ обществамъ Запада, лежащимъ на беззаконной основѣ завоеванія.

Въ этомъ отношеніи можно бы исключить Англію изъ остального Запада, но это исключеніе было бы понятно только, при исторіи Англіи, ваятой съ совершенно новой

точки зрењія. Я прибавлю только, что въ сравненіи съ другими землями Европы, Англія есть по преимуществу земля живая. Когда я сказалъ въ моей статьѣ, что она сильна не учрежденіями своими, но не смотря на учрежденія свои,—я подвергся нападеніемъ моихъ читателей. Д'Израэли, котораго я тогда еще не читалъ, сказалъ точно тоже и еще сильнѣе: «English manners save England from English laws». И Англичане поняли всю справедливость этихъ словъ. Но такое воззрѣніе не можетъ быть доступнымъ нашему просвѣщенію. Его односторонней разсудочности доступенъ только формализмъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, будь это въ наукѣ, или обществѣ, или художествѣ.

При разрывѣ между самобытною нашей жизнью и привозною наукой, эти два начала, какъ я сказалъ, не могли оставаться совершенно чуждыми другъ другу: между ними происходила постоянная борьба. Жизнь сопротивлялась вліянію иноземнаго или, такъ сказать, колоніального начала, только своею неподвижностію; прямого же вліянія на него не имѣла, развѣ только тѣмъ, что мѣшала ему тѣснѣе сродниться и слиться окончательно съ какою нибудь изъ Западныхъ народностей. Просвѣщеніе же дѣйствовало постоянно, признавая жизнь или, лучше сказать, составъ народный за грубый материалъ, подлежащій обработкѣ для того, чтобы вышло изъ него что-нибудь дѣльное и разумное. Оно дѣйствительно не признавало Россіи существующую, а только имѣющею существовать. Вся эта громада, которая уже такъ много имѣла и будетъ всегда такъ много имѣть вліянія на судьбу человѣчества, являлась ему какимъ-то случайнымъ скопленіемъ человѣческихъ единицъ, связанныхъ или сбитыхъ въ одно цѣлое внѣшними и случайными дѣйствователями; жизни же внутренней и сильной, разумной и духовной, создавшей ее, оно какъ будто бы и не предполагало; а когда и предполагало, то принимало за какое-то хаотическое броженіе, которому изрекало приговоръ въ словѣ презрѣнія или насмѣшки. Разумѣется, эти понятія, эти приговоры никогда не облекались въ опредѣленный образъ и, такъ сказать, въ формальныя решенія. Ихъ должно искать въ общемъ ходѣ образованности и въ каждой ея подробности. Случайно и безсознательно.

вырвавшіяся слова часто яснѣе выказываютъ мысль, чѣмъ обдуманный и обсужденный приговоръ; въ нихъ всегда менѣе лицемѣрія, болѣе искренняго чувства, и часто болѣе общаго мнѣнія, чѣмъ личнаго. А такими словами наполнена вся наша словесность оть Земледѣльческой Газеты, которая частехонько представляеть Русскаго крестьянина какимъ-то безсмысленнымъ и почти безсловеснымъ животнымъ, до изящнѣйшихъ выраженій нашего общества, которое великодушно допускаеть въ Русскомъ человѣкѣ умъ, понятливость, смышленность и нѣкоторое добродушіе, впрочемъ безъ всякихъ убѣжденій и разумныхъ началь, т. е. порядочные материали для будущаго человѣка, а все-таки еще не человѣка. Такими же словами богать нашъ общественный разговоръ, оть бѣсѣды мелкаго чиновника, питающаго глубочайшее презрѣніе къ бородачу, до тѣхъ недосягаемыхъ круговъ и салоновъ, въ которыхъ патріотическая любовь снисходительно собирается приготовить для души того же бородача духовное и умственное содержаніе, котораго она еще до сихъ поръ лишена, а для его жизни вещественное благополучіе и новѣйшимъ иностраннымъ образцамъ. Это не частныя ошибки, это мнѣніе общее, болѣе или менѣе ясно выговаривающееся; но если бы принимать это и за частныя ошибки, то должно помнить, что есть заблужденія частныя, которые возможны только при извѣстномъ заблужденіи общества. Таковъ, напр., презрительный отзывъ одного изъ нашихъ журналовъ о Русской сказкѣ и пѣснѣ; въ немъ утверждали, что Пушкинъ въ своей балладѣ и въ сказочныхъ отрывкахъ исчерпалъ все богатство нашей народной поэзіи, а Лермонтовъ, въ прекрасной сказкѣ объ опричникѣ и купеческомъ сынѣ, далеко перешель за ея предѣлы, между тѣмъ какъ ни тотъ, ни другой, кажется, даже не поняли вполнѣ ни ея неисчерпаемыхъ богатствъ, ни даже ея неподражаемаго языка. Дѣйствительно, ея почти бесконечная область обозначается съ одной стороны чудными стихами:

„Высота ль, высота ль поднебесная;
Глубота ль, глубота ль Окіанъ-море;
Широко разолье по всей землѣ!“

стихами, полными несокрушимой силы, въ которые облеклась душа великаго народа, призваннаго на безпримѣрныя судьбы,—а съ другой стихами:

„Высота ль, высота ль потолочная“,

въ которыхъ также сила вспоминаеть съ добродушною ироніею о своемъ прежнемъ молодомъ разгуль, не скорбя: потому что чувствуетъ себя цѣлою и несокрушимою и знаетъ, что она только призвана ходомъ историческихъ судебъ на другое, болѣе смиренное поприще.

Ты скажешь, что ошибка критика зависѣла отъ его личной ограниченности или безвкусія; что онъ могъ, какъ лицо, не понять всего величія нашего пѣсенного міра, въ которомъ отражается и величіе Русскаго народа, и смиренное добродуше Русскаго человѣка, и вся внутренняя жизнь того мірового явленія, которое мы называемъ Россіей; что онъ могъ не понять Ильи Муромца, идеала гигантской силы, всегда до-корной разуму и нравственному закону, идеала, конечно, не-полнаго, но которому ни одна народная поэзія не представляетъ ровнаго; точно такъ же какъ онъ не понялъ словъ сказки объ Алешѣ Поповичѣ, притворившемся калѣкою «еле живъ идетъ» и принять за выраженіе трусости — живой оборотъ, который бы понятенъ крестьянскому десятилѣтнему мальчику. Ты скажешь, что всего этого могъ онъ не понять по личной своей недогадливости и что общее мнѣніе не должно отвѣтить за ошибки журнального критика. Мнѣ до лица дѣла нѣть; но я думаю, ты согласишься, любезный другъ, что такого рода ошибки объ Англійскихъ или Нѣмецкихъ пѣсняхъ были бы невозможны въ Германіи и въ Англіи; что тамъ никто бы не осмѣился отзваться такимъ образомъ о балладахъ Чеви-Чесь (Chevy-Chaze) или сраженіи при Оттербурнѣ (Otterburne-battle) или о Нibelунгахъ и сказкахъ о Дитрихѣ Бернскомъ, не смотря на то, что они далеко уступаютъ нашей Русской сказкѣ и пѣснѣ; ты признаешься, что есть какое-то глубокое почтеніе или, лучше сказать, благоговѣніе передъ голосомъ народной старины, которое въ Англіи и Германіи обязательно для всякаго диссателя и охраняетъ его отъ его собственной ограниченности. И вотъ почему такія ошибки

или, лучше сказать, возможность такихъ ошибокъ представлять явную улику противъ нашего просвѣщенія. Впрочемъ, не для чего доказывать слишкомъ явную истину.

Естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ такихъ понятій и такого презрѣнія къ жизни было то, что наука и общество могли, безъ всякихъ упрековъ совѣсти, безъ всякаго внутренняго сомнѣнія, безпрестанно стремиться къ ея преобразованію. Попытки казались безошибочными, потому что хаоса не испортить, а стремленіе было благодѣтельное, ибо все наше просвѣщеніе отправлялось отъ глубокаго убѣжденія въ своемъ превосходствѣ и въ нравственной чистотности той человѣческой массы, на которую оно хотѣло действовать. Высокія явленія ея нравственной жизни были почти неизвѣстны и нисколько не оцѣнены. Всякій членъ общества думалъ также, какъ изящный повѣствователь нашего времени, что любая девочка изъ любаго общественнаго заведенія можетъ и должна произвести духовный переворотъ во всякой общинѣ Русскихъ дикарей. Никому и въ голову не приходило, что изъ этихъ общинъ, чуть-чуть не Австралійцевъ, еще не слыхавшихъ о христіанскомъ законѣ, выходили и выходятъ безпрестанно Даисіи, Серафимы и множество другихъ духовныхъ дѣлателей, которыхъ нравственная высота должна изумлять даже тѣхъ, кто не сочувствуетъ ихъ стремленіямъ; что изъ этихъ общинъ льются потоки благодѣяній, что изъ нихъ являются безпрестанно высокіе примѣры самопожертвованія, что въ тяжелыя годы военного испытанія они спасали Россію не только своимъ мужествомъ, но и разумнымъ согласиемъ, а въ мирныя времена отличаются вездѣ, гдѣ еще неиспорчены, неподражаемою мудростью и глубокимъ смысломъ своихъ внутреннихъ учрежденій и обычаевъ. Этому можно бы научиться изъ исторіи, изъ наблюденія даже поверхностнаго, или, хоть изъ Нѣмца Блазіуса; но надобно хотѣть учиться.

До сихъ поръ всѣ попытки, сдѣланныя просвѣщеніемъ для преобразованія жизни, остались безуспешными. Хорошо бы было, если бы можно было сказать и безвредными; но этого сказать нельзя. Эти неудачи и частный вредъ, сопровождавшій ихъ, можно было предвидѣть. Упорство жизни проис текало отъ разумнаго, хотя и несознаннаго источника.

Она не могла отдать себѣ отчета въ своемъ чувствѣ, ночувствовала въ образованности нашей и въ соприкосновеніи съ нею что-то холодное и мертвенькое, а отвращеніе всего живого къ мертвому есть законъ природы вещественной и умственной.

Мнимая дѣятельность или мнимая движимость этой образованности не была не только тѣмъ благороднымъ и могу-чимъ стремленіемъ, въ которомъ проявляется энержія духа, познавшаго свое величіе и порывающагося (иногда даже описочными путями) къ пред назначенной ему цѣли, но она не была даже тѣмъ бодрымъ и самобытнымъ движеніемъ, которыемъ всякое Божіе созданіе выражаетъ свою внутреннюю, жизненную силу; нѣть: она въ областяхъ умственного міра была тѣмъ невольнымъ движеніемъ, тою сыпучестью, которая сообщается вѣтромъ водѣ или степному песку; а вѣтромъ было для нея дуновеніе Западной мысли. Наше просвѣщеніе мечтало о воспитаніи другихъ тогда, когда оно само, лишенное всякаго внутренняго убѣжденія, мѣняло и мѣнялось безпрестанно свое собственное воспитаніе, и когда едва ли не всякое десятилѣтіе могло бы благодарить Бога, что десятилѣтію протекшему не удалось никого воспитать. Такъ люди, которымъ теперь лѣтъ около пятидесяти и которые по впечатлѣніямъ, принятымъ въ молодости, принадлежать къ школѣ Нѣмецко-мистическихъ гуманистовъ, смотрятъ съ улыбкою презрѣнія на уцѣльвшихъ семидесяти - лѣтниковъ энциклопедической школы, которой жалкіе остатки встрем-чаются еще неожиданно не только въ глухи деревень, но и въ лучшихъ обществахъ, какъ гніющіе памятники недавней старины. Такъ тридцатилѣтніе соціалисты... Впрочемъ продолжать нечего: общество само себя можетъ исповѣдывать. Грустно только видѣть, что эта шаткость и это безси-ліе убѣжденій сопровождаются величайшею самоувѣренно-стью, которая всегда готова брать на себя изготовленіе умственной пищи для народа. Это жалко и смѣшино, да къ счастію оно же и мертвое и потому самому не прививается къ жизни. За всѣмъ тѣмъ не все проходить безъ вреда, кое-что и остается. Кое-гдѣ вѣтеръ нагонитъ воду или пе-сокъ на какой-нибудь уголокъ доброй земли, когда-то плodo-

родной и богатой собственною растительностью и затопить или засушить его надолго, если не навсегда.

Я сказалъ, что всякая система, какъ и всякое учрежденіе Запада, содѣржитъ въ себѣ рѣшеніе какого нибудь вопроса, заданнаго жизнью прежнихъ вѣковъ. Перенесеніе этихъ системъ на новую народную почву небезопасно и рѣдко бываетъ безвредно. Тутъ, гдѣ вопросъ еще не возникъ, онъ непремѣнно возникнетъ, хотя можетъ быть и въ другой формѣ, если только имѣть возможность возникнуть при условіяхъ этого общества. Если же общество таково, что вопросъ разумно возникать не могъ (а таково отношеніе почти всѣхъ вопросовъ Запада къ Россіи), въ жизни умственной наода непремѣнно произойдетъ (конечно, кратковременное, но болѣзненное и крайне - безмысличное) движеніе, подобное тому жизненному разстройству, которымъ сопровождается введеніе началъ неорганическихъ, даже отчасти и безвредныхъ, въ органическое тѣло. Этихъ примѣровъ не мало, и найти ихъ легко; но главный, самый яркій, самый общий во всей нашей наукѣ, образованности и бытѣ—это формализмъ, неизбѣжный, какъ подражаніе чужеземнымъ образцамъ, понятымъ въ видѣ готоваго результата, независимо отъ умственнаго историческаго движенія, которымъ они произведены. Формализмъ имѣть и долженъ имѣть постоянное притязаніе замѣнять собою всякую правственную и духовную силу и находить всякий законъ, всякую охрану и даже всякое начало движенія въ голыхъ и вещественныхъ формулахъ, приложенныхъ къ вещественнымъ требованіямъ и побужденіямъ человѣческимъ. Жизненную гармонію замѣняетъ онъ, такъ сказать, полицейскою симметріею въ наукѣ, гдѣ онъ болѣе боится заблужденій, чѣмъ ищетъ истины; въ искусствѣ, гдѣ онъ болѣе избѣгаетъ неправильности, почти всегда сопровождающей всякое гениальное явленіе, чѣмъ стремится къ красотѣ или къ облечению внутренней красоты духовной въ формы, ею созданныя и ей соответствующія; въ бытѣ, гдѣ онъ вытѣсняетъ и замѣняетъ всякое теплое и свободное паліяніе души холоднымъ и мертвымъ призракомъ благочинія. Таковъ характеръ формализма; таковъ онъ былъ въ схоластической философіи, оставившей слѣды свои въ новѣй-

шай Германской философию, которую, за всѣмъ тѣмъ, можно считать однимъ изъ величайшихъ явлений человѣческаго мышления; таковъ онъ былъ въ таѣ называемой классической литературы XVIII вѣка; таковъ въ пластическихъ художествахъ школы, славившихся еще недавно; таковъ въ обществахъ, сохранившихъ слишкомъ строго формы, отъ которыхъ уже отлетѣлъ духъ, ихъ создавшій (какъ, напр., въ Китаѣ и въ позднѣйшей Византіи), или въ обществахъ, нѣ сознавшихъ своихъ собственныхъ духовныхъ началъ и принимающихъ извѣтъ формы, созданныя другими началами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи современная Франція представляется намъ поучительный примѣръ. Лишенная собственной жизненной силы, или еще не познавъ ея, она переносить къ себѣ со всевозможнымъ усердіемъ Англійскія учрежденія, прилагая ихъ къ себѣ, т. е. искажая ихъ съ самою наивѣкѣю увѣренностию и перенося къ себѣ призракъ жизни, которой у нея вѣтъ. За то при этомъ перенесеніи исчезаетъ вѣсъ смыслъ образца, и вся его простота замѣняется безтолковою многосложностью. Газеты представляли недавно яркое доказательство тому въ исчислении чиновниковъ Англійскихъ и Французскихъ.

Кстати объ этомъ предметѣ. Любезный другъ, я желалъ бы, чтобы наши читатели и литераторы поняли прѣсколько пояснѣе смыслъ явленія, весьма замѣчательнаго въ нашей современной словесности, такого явленія, на которое уже наши журналы обратили свое поверхностное наблюденіе, говоря то за, то противъ него. Это явленіе есть довольно постоянное нападеніе на чиновника и насмѣшка надъ нимъ. Едва ли не Гоголь подалъ этотъ соблазнительный примѣръ, за которымъ всѣ послѣдовали со всевозможнымъ усердіемъ. Эта ревность подражанія доказываетъ разумность первого нападенія, а пошлость подражанія доказываетъ, что смыслъ нападенія непонять. Для того, чтобы оцѣнить это явленіе, надо би сперва понять — что такое чиновникъ. Въ обществѣ, разумѣется, я бы повторилъ забавное опредѣленіе, сдѣланное человѣкомъ, весьма заслуженнымъ и почтенныхъ лѣтъ. На вопросъ «что такое чиновникъ?» онъ отвѣчалъ, смыючись: «для васъ, неслужащей молодежи, чиновникъ — всякий тотъ,

кто служить (разумѣется въ гражданской службѣ), а для меня служащаго—тотъ, кто ниже меня чиномъ». Но въ дѣльной бесѣдѣ съ тобою я поищу началя для опредѣленія, кототорое бы было построже и полнѣе. Во-первыхъ, это слово въ своемъ литературномъ значеніи принадлежитъ болѣе къ языку общества, чѣмъ къ языку права и закона; во-вторыхъ, ты можешьъ замѣтить, что оно никогда не относится къ нѣкоторымъ должностямъ, повидимому входящимъ въ тотъ же служебный кругъ, — ни къ посреднику, ни къ предводителю, ни къ городскому головѣ, ни къ попечителю училищъ, ни къ профессору, ни къ совѣстному судью; что оно вообще болѣе относится къ инымъ разрядамъ, чѣмъ къ другимъ, и всегда болѣе къ вещественнымъ формамъ, чѣмъ къ тѣмъ, въ которыхъ выражается умственное или нравственное направленіе. И въ этомъ различіи ты можешьъ замѣтить какое-то особенное чувство, которымъ опредѣляется слово чиновникъ, во сколько могутъ быть опредѣлены слова, получившія свой смыслъ единственно отъ обычая, какъ, напр., хороший тонъ, комфортъ и т. д. Очевидно, что все это никакъ не касается до службы, необходимоаго условія всякой гражданственности истинной или ложной (ибо служба постоянная или повременная есть всегдашняя принадлежность всякаго гражданина и содержитъ въ себѣ освященіе правъ, данныхъ ему обществомъ), но касается только до какого-то особенного отношенія особенныхъ лицъ къ народной жизни и къ просвѣщеному обществу. Глядя съ этой точки зреінія, можно понять всю нравственную истину Гоголя и всю законность его глубокой, хотя добродушной и безжелчной, ироніи, и всю незаконность и слабость его подражателей. «Чиновникъ», какъ это весьма хорошо понялъ одинъ изъ нашихъ журналовъ, который потомъ какъ будто испугался своей похвальной рѣчи этому осмѣянному лицу, «есть нѣчто посредствующее между просвѣщеніемъ и жизнью, впрочемъ, не принадлежащее ни тому, ни другой». Гоголь художникъ, созданный жизнью, имѣлъ право понять и воплотить мертвеннность этого лица въ тѣ неподражаемые образы Дмухановскаго и другихъ, которые, въ его повѣстяхъ или въ комедіяхъ, являются съ такою яркою печатью поэтической истины. Но

это право никакъ не принадлежало его подражателямъ—литераторамъ, созданнымъ или воспитаннымъ чужеземною образованностию. Такова причина, почему и подражанія ихъ, не смотря на талантъ писателей, выходятъ такими блѣдными и безсильными. Мертвеннность человѣка, черта разительная и достойная комедіи, даетъ жизни право насмѣши и осужденія надъ нимъ, но она не даетъ этого права нашему просвѣщенію, которое само въ себѣ собственной жизни еще не имѣеть. Общество не должно бы смѣяться ни надъ орудіемъ, которое оно само создаетъ, ни надъ путемъ, по которому человѣкъ въ него вступаетъ, ни надъ тѣмъ, такъ сказать, химическимъ процессомъ, посредствомъ которого лицо, иѣкогда принадлежавшее жизни, перегоняется въ безцѣнныи призракъ просвѣщенаго человѣка. Впрочемъ, довольно обѣ этомъ предметѣ, котораго я коснулся мимоходомъ, и обратимся къ формализму. Я сказалъ, что онъ мертвый результатъ подражанія, и прибавлю, что онъ результатъ мертвящій. Отстраняя дѣятельность духовную и самобытность свободной мысли и теплого чувства, всегда надѣясь найти средства обойтись безъ нихъ и часто обманывая людей своими обѣщаніями, онъ погружаетъ мало-по-малу своихъ суевѣрныхъ поклонниковъ въ тяжелый и безчувственный сонъ, изъ котораго или вовсе не просыпаются, впадая въ совершенное омертвѣніе, или просыпаются горькими, ядовито-насмѣшливыми и въ тоже время самодовольными скептиками, утратившими вѣру въ формулу, такъ же какъ и въ жизнь, въ общество, такъ же какъ въ людей. Имъ остается спасаться только въ гастрономіи (по нашему, обжорству), какъ это весьма справедливо представлено въ героя поэмы г. Майкова (*Дѣлъ Судьбы*), человѣкъ, утратившемъ вѣру въ наше формальное просвѣщеніе и не познавшемъ ни просвѣщенія истиннаго, ни народной жизни. Да и трудно, очень трудно вырваться изъ очарованного круга, очерченаго около каждого личнаго ума историческимъ развитіемъ нашей образованности. Съ дѣтства лепечемъ мы чужестранныя слова и цитаемъ чужестранною мыслію; съ дѣтства привыкаемъ мы мѣрить все окружающее насъ на мѣрило, которое къ намъ не идетъ, привыкаемъ смѣшивать явленія

самыя противоположныя: общину съ коммуною, наше прежнее боярство съ баронствомъ, религіозность съ вѣрою, семейство свою съ феодальнымъ понятіемъ Англичанина обѣ домъ (*home*) или съ Нѣмецкою кухонно - сантиментальною домашностью (*Häuslichkeit*), лишаемся живого сочувствія съ жизнью и возможности логического пониманія ея. Какіе же намъ остаются пути или средства къ достижению истины?

За всѣмъ тѣмъ мы можемъ и должны ея достичнуть. Борьба между жизнью и иноземною образованностю началась съ самаго того времени, въ которое встрѣтились въ Россіи эти два противоположныя начала. Она была скрытою причиною и скрытымъ содержаніемъ многихъ явлений нашего исторического и бытового движенія и нашей литературы; вездѣ она выражалась въ двухъ противоположныхъ стремленіяхъ: къ самобытности съ одной стороны, къ подражательности съ другой. Вообще можно замѣтить, что всѣ лучшіе и сильнѣйшіе умы, всѣ тѣ, которые ощущали въ себѣ живые источники мысли и чувства, принадлежали къ первому стремленію; вся бездарность и безсиліе—ко второму. Первое представляется Ломоносовымъ, не смотря на то, что самъ великий основатель науки въ Россіи отчасти подчинился невольно вліянію иноземному; второе въ Тредьяковскомъ, презритель всего Русскаго, одежды, обычаевъ и языка, которые онъ называлъ мужицкими. Это не система, а фактъ историческій. Правда, что многіе, даже даровитые, даже великие дѣятели нашей умственной жизни, были, слабостью молодости, соблазномъ жизни общественной и особенно, такъ называемаго, высшаго просвѣщенія, увлечены въ худшее стремленіе; но всѣ отъ него отставали, обращаясь къ высшему, къ болѣе плодотворному началу. Таково было развитіе Карамзина и Пушкина.

Но прежняя борьба была неполная, безсознательная; теперь наступаетъ и наступило время для яснѣйшаго сознанія и для полнаго разрѣшенія давнишняго вопроса. Съ одной стороны, мы овладѣли наукой, т. е. всѣми ея внѣшними результатами, и намъ остается только развить въ самихъ себѣ жизненное начало, дабы и начала науки не оставались мертвыми, какъ до сихъ порь; съ другой, мы уже начинаемъ сознавать яснѣе безсиліе и

бездлодность всякой подражательности, будь она явно: рабская, т. е. привязанная къ одной какой-нибудь школѣ, или свободная, т. е. эклектическая. Этому можетъ и должно научить насъ опытъ. Наконецъ, внутреннее колебаніе и духовное замираніе Западнаго міра, теряющаго вѣру въ свои прежнія начала и бессильно стремящагося создать новыя по путямъ чисто-аналитическимъ, можетъ и должно служить намъ урокомъ, обличая передъ нами слабость нашихъ прежнихъ образцовъ и ничтожность нашего стремленія. Прежнее стремленіе нашей образованности кончило свой срокъ. Оно было заблужденіемъ невольнымъ, можетъ быть, неизбѣжнымъ нашихъ школьніхъ годовъ. Я не говорю, чтобы не только всѣ, но даже большинство получило уже новыя убѣжденія и сознalo бы внутреннюю духовную жизнь Русского народа—какъ единственное и плодотворное начало для будущаго просвѣщенія; но можно утвердительно сказать, что изъ даровитыхъ и просвѣщенныхъ людей не осталось ни одного, кто бы не сомнѣвался въ разумности нашихъ прежнихъ путей. Остаются только еще привычки,—къ несчастію слишкомъ крѣпкая, цѣль и которая вдругъ порваться не можетъ; остается въ большинствѣ глубокое невѣданіе тѣхъ древнихъ, живыхъ и вѣчно-новыхъ началъ, къ которымъ должно возвратиться; остается гордость, которая сознаѣтъ или, по крайней мѣрѣ, подозрѣваетъ въ себѣ ошибку, да призпаться въ ней не хочетъ ни себѣ, ни другимъ; остается, наконецъ, скептицизмъ, тотъ, о которомъ я уже говорилъ, который потерялъ вѣру въ силу формальной науки и не можетъ еще повѣрить плодотворной силѣ жизни. Вотъ препятствія, съ которыми должно бороться и которые не могутъ долго устоять противъ убѣжденія истиннаго и глубокаго. Ими объясняется упорство, съ которымъ многие добросовѣстные и далеко не бездарные люди отстаиваютъ прежнее направление нашей образованности. Иные изъ нихъ выставляютъ съ гордымъ самодовольствiemъ наши успѣхи въ наукѣ и художествахъ; по добросовѣстная оцѣнка всего, что мы сдѣлали по этимъ частямъ, не должна бы намъ внушать другаго чувства, кроме смиренія, а разумная критика легко можетъ показать, что задатки, данные искусству пеученою Русью, далеко еще

не оправданы ученого Россіею. Другое хвалятся историческимъ развитіемъ нашимъ; но отвѣтъ старика сыну въ разговорѣ о Суворовѣ можетъ быть легко приложенъ ко всему остальному и во всѣхъ случаяхъ будетъ равно вѣренъ. Другое еще извиняютъ насъ нашою будто весьма недавней образованностью, но полтораста лѣтъ могли бы и должны бы (если бы направление взятое было неложно) довести наше просвѣщеніе до высокихъ результатовъ, или по крайней мѣрѣ вызвать зародыши великаго развитія въ будущемъ; а мы, кажется, этимъ похвастаться не можемъ. Наконецъ, нашлись и такие люди, которые рѣшились безъ дальнихъ умозрѣній назвать всѣхъ своихъ противниковъ грязными варварами, спрятаться за одно великое имя Петра. Это умно, благородно, учено, доказываетъ одинаковое уваженіе къ наукѣ и ея правамъ на анализъ, къ исторіи и ея постоянно-му развитію, къ человѣческой мысли и ея праву на самовытность. Эти люди могутъ оставаться безъ возраженія и безъ отвѣта,—они сами себѣ улика.

Всѣ такія явленія неизбѣжны, но всѣ они по внутренней своей слабости доказываютъ, что эпоха перерождения въ напемъ просвѣщеніи наступила. Еще важнѣе явленія, доказывающія, что мы начали понимать не только темнымъ инстинктомъ, но истиннымъ и наукообразнымъ разумѣніемъ, всю шаткость и бесплодность духовнаго міра на Западѣ. Очевидно, что онъ самъ сомнѣвается въ себѣ и ищетъ новыхъ началъ, утративъ вѣру въ прежнія, и только угѣшаетъ себя тѣмъ, что называетъ нашу эпоху—эпохой перехода, не понимая, что это самое название доказываетъ уже отсутствіе убѣждений: ибо тамъ, где есть убѣженіе и вѣра, тамъ есть уже радостныя чувства жизни, узнавшей новыя цѣли, а не горькое чувство перехода неизвѣстнаго. Но намъ предоставлено было возвести инстинктивныя сомнѣнія Западнаго міра въ наукообразныя отрицанія,—и этотъ подвигъ должно считать лучшую заслугу нашей современной науки, заслугу, которую пате образованное общество начало уже оцѣнить, хотя копично оцѣнило по вполнѣ. Такъ, напримѣръ, прекрасная и глубокомысленная статья Ивана Васильевича Киреевскаго:

о современномъ состояніи Европейскаго просвѣщенія*), статьи, въ которыхъ строгая логика согрѣта теплымъ чувствомъ всеобщей любви и которымъ, конечно, современная журналистика Европы не можетъ представить ничего равнаго, пробудили многія новыя мысли во многихъ и были радушно привѣтствованы всѣми. Со временемъ эти статьи будутъ поняты еще полно; выводы, въ нихъ заключенные, получать по большей части значеніе несомнѣнныхъ истинъ. Но, разумѣется, анализъ на этомъ остановиться не можетъ: онъ пойдетъ далѣе и покажетъ, что современная шаткость духовнаго міра на Западѣ — не случайное и преходящее явленіе, но необходимое послѣдствіе внутренняго раздора, лежащаго въ основѣ мысли и въ составѣ обществъ; онъ покажетъ, что начало той мертвѣнности, которая выражается въ XIX вѣкѣ, заключалось уже въ составѣ Германскихъ завоевательныхъ дружинъ и Римскаго завоеваннаго міра съ одной стороны и въ односторонности Римско-Протестантскаго ученія съ другой: ибо законъ развитія общественнаго лежитъ въ его первоначальныхъ зародышахъ, а законъ развитія умственнаго — въ вѣрѣ народной, т. е. въ высшей нормѣ его духовныхъ понятій. Этой истины доказывать не нужно; ибо тотъ, кто не понимаетъ, что иное должно было быть развитіе просвѣщенія при соборныхъ ученіяхъ, а иное было бы подъ вліяніемъ Арианства или Несторіанства, тотъ не дошелъ еще до исторической азбуки. Примѣромъ же можно бы представить въ самомъ Западномъ мірѣ Англію, которой современная жизненность и исключительное значеніе объясняются только тѣмъ, что она (т. е. Anglo-Саксонская Англія) никогда не была вполнѣ завоевана, никогда не была вполнѣ Римскою и никогда вполнѣ Протестантскою. При этомъ будущемъ успѣхъ анализа и, безъ сомнѣнія, съ нимъ вмѣстѣ, разовьется синтезъ науки и жизни, успокоенной и оправданной разумнымъ сознаніемъ: ибо стремленіе, отрицающее подражательность нашей образованности, не есть стремленіе къ мертвому и темному невѣжеству, но къ наукѣ живой, къ внутреннему освобожденію

* См. статьи И. В. Киреевскаго въ Москвитянинѣ 1845 года и въ первомъ томѣ его „Сочинений“. Изд.

ея отъ ложныхъ системъ и ложныхъ данныхъ и къ соединенію ея съ жизнію, т. е. къ созданію просвѣщенія.

Конечно, успѣхи будуть медленны, и только дѣти наши воспользуются трудами нашихъ современниковъ: ибо, не смотря на сомнѣніе многихъ въ разумности прежней нашей образованности, не смотря на выражающуюся жажду и на какія-то предчувствія уже не-эклетического Россійскаго, но органическаго Русскаго просвѣщенія, никогда еще, можетъ быть, подражательность и смиреніе передъ Западнымъ міромъ не были такъ сильны или, по крайней мѣрѣ, такъ общи, какъ теперь. Но анализъ началь свое дѣло, и это дѣло не можетъ оставаться безъ плода. Недавно все наше просвѣщенное общество узнало о химическомъ разложеніи Румфордова супа изъ сухихъ костей, которымъ долго кормили бѣдныхъ и который, не содержа въ себѣ ничего питательнаго, болѣе способенъ ускорить голодную смерть, чѣмъ спасти отъ нея. Конечно, съ этого открытия бѣдные сыты еще не будутъ, но ужъ и того много, что постараются возвратиться къ хлѣбу,бросивъ надежду на супъ изъ сухихъ костей.